

---

## ТЕОРИЯ

### ЛЕНИН КАК ТЕОРЕТИК

#### Часть II

*Бугалин Александр Владимирович*  
- д.э.н., профессор, МГУ

Свою первую статью я начал словами:  
«Писать о теоретическом наследии  
В.И. Ульянова мне сложно...»

Я не буду повторяться с предисловием: напомним лишь, что это сложность двоякая: сложность откровенного диалога с *гением* и сложность критики того, кто сумел стать ведущим прогрессором глобальных исторических сдвигов.

А сейчас продолжим анализ, начатый в I-й части.

#### Отмиращее государство

Теория государства для левых – это тот оселок, на котором очень четко проверяется *какой ты левый*. Для сталинской версии «социализма» государство есть центр и экономики, и политики, и культуры, и всех остальных сфер общественной жизни. Анархизм государство отвергает и его теоретиков можно понять. Вдвойне после того, как проявило себя «социалистическое» государство при Сталине. Где же альтернатива?

Теория государства Маркса сформировалась на основе соединения социо-философских доктринальных положений, с одной стороны, анализа и обобщения опыта практической борьбы за новое общество в XIX веке – с другой. Владимир Ульянов подробно анализирует эту проблему как теоретик тогда, когда он оказывается накануне его практического воплощения, за два месяца до Октябрьской революции, и обращается главным образом к марксову анализу опыта французских революций и, прежде всего, Парижской коммуны. Вторая сторона разработок Маркса – скорее философская, чем политологическая (как мы бы сказали сейчас), сосредоточенная главным образом в рукописном наследии Маркса – была Ленину тогда попросту недоступна и Экономико-философские рукописи 1844 года и Экономические рукописи 1857-59 годов были опубликованы гораздо позднее. Но главную идею – идею отмирания, засыпания государства – Ленин воспроизводит очень точно. И строго диалектически: не уничтожение, но *снятие государства*.

После Ленина эта ключевая теоретическая теза марксизма большинством левых игнорируется. Социал-демократы, особенно правые, делают культ из такого атрибута государственной власти как право. И теоретически, и практически именно свод охраняемых государством правил становится властелином западного мира – мира диктатуры внешних юридических норм. Не меньшим фетишем остается парламент как важнейший институт государства. Сталинское крыло тезис об отмирании государства

оставляет как сугубо теоретическое положение, некий абстрактный догмат веры, на практике проводя прямо противоположную политику усиления сверх всякой меры власти аппарата. Единственное, но очень важное исключение – разработка демократическими левыми теории базисной («корней травы») демократии и развития форм самоорганизации и самоуправления как отношений и форм, делающих отмирание государства реальностью.

А что же Ленин?

Сначала о некоторых положениях «Государства и революции», а затем о наиболее важном – о практике первых пяти лет Советской власти.

В работе, написанной «на коленке», за очень короткий срок Ленин смог *так* обобщить разработки Маркса и дать *такую* критику последующих трактовок марксовых работ, что именно эту книгу Ленина можно считать наиболее полным и точным изложением идей классического марксизма о государстве. Это само по себе важно.

Очень важны и те акценты, которые делает Ленин. Выделю лишь несколько наиболее актуальных и наименее акцентируемых сто лет спустя.

**Первый:** *Положение о государстве как сугубо конкретно-историческом институте, обеспечивающем экономическую и политическую власть господствующего класса.* Государство, демократия качественно различны в разных общественных системах. «Демократия вообще», трактуемая в большинстве случаев как калька с конституций США и государств Западной Европы, – это малопродуктивная абстракция. Действительный вопрос – это вопрос о власти. Но не о захвате власти, не о том, как прийти к власти – то, что приписывают Ленину либеральные и социал-демократические теоретики, невольно приписывающие Ленину *свои* скрытые амбиции и нереализованные комплексы (в самом деле, а для чего же еще власть, как не для того, чтобы самому властвовать?). Вопрос о власти – это вопрос о том, кому, какой общественной силе принадлежит реальная экономическая, политическая, идеологическая власть. Достаточно *так* поставить вопрос, чтобы ответ на него стал иным, чем при дебатах исключительно о наличии/отсутствии некоторых формальных процедур.

В самом деле, если сегодня в США или ФРГ провести опрос общественного мнения и спросить, одинаковы ли права их граждан, они скорее всего ответят «Да». Но если их спросить, равная ли *власть* находится в руках собственников корпораций, топ-менеджеров, хозяев СМИ, боссов парламентских партий и высший государственных чиновников (современная репрезентация того, что сто лет назад коротко называлась «класс буржуазии») – с одной стороны, рабочих на конвейере, продавцов в супермаркете, школьных учителей, безработных (а это уже представители современного класса наемных работников) – с другой, и ответ с очень большой вероятностью будет «Нет». И даже если добавить сюда т.н. «средний класс» она принципиально не изменится: власть разных социальных групп (классовое деление в условиях позднего

капитализма гораздо более размыто, сложно, чем в эпоху капиталистической «классики») в этих странах была и остается разной.

Отсюда ключевой тезис Маркса и акцент Ленина: демократия в условиях капитализма – это форма экономической и политической власти буржуазии. Ключевой вопрос социализма – эту власть у них забрать и передать трудящимся. Как? Ответ не двусмысленен: путем социалистической революции, разрушения старой государственной машины и создания нового государства, главной функцией которого будет «самоликвидация» (отмирание). И этот ответ совершенно обоснованно категорически не устраивает всех тех, кому власть (хотя бы в некоторой мере) принадлежит сегодня. Включая левые парламентские партии.

**Второй:** *буржуазное государство должно быть разрушено*. Разрушение старой государственной машины – положение принципиальной важности. И абсолютно не двусмысленно сформулированное и Марксом, и Лениным. В этом революционном, насквозь политизированном тезисе спрессована широчайшая гамма теоретических положений и разработок.

Особо я бы подчеркнул важность понимания того, что существующие формы парламентской (президентской) демократии не адекватны для решения задачи обеспечения реальной власти граждан. Это формы, которые адекватны для обеспечения политической конкуренции между разными фракциями «партии власти» – тех, кто контролирует средства производства (сегодня сюда надо добавить и средства производства информации – СМИ) и исполнительную власть. Для народовластия и самоуправления нужны другие формы, а это значит – другая конституция, другие институты власти. Маркс, обобщая опыт Парижской коммуны, Ленин, обобщая опыт Советов, говорят какие (об этом ниже).

Сегодня требование разрушения буржуазного государства воспринимается как... антидемократическое. В самом деле, какие из «уважаемых» демократических левых сил поставят сегодня в повестку дня вопрос о пересмотре Конституции и отказе от парламентской (президентской) модели государственного управления, существующих форм многопартийности и т.п.? Отсюда «нутряной» антиленинизм. Между тем без изменения не только социально-экономических основ, но и формы государственного устройства уйти от власти номенклатуры глобального капитала и массового политического производства (манипулирования) как субститута, вытесняющего демократию, невозможно<sup>1</sup>. Здесь, собственно, и начинается самое интересное в ленинском наследии по вопросу о государстве: что значит «слом буржуазной государственной машины». Ответ на этот вопрос лежит, однако, не столько в теоретических текстах Ульянова, сколько в практической деятельности Ленина. В теории слома государства, опредмеченной не в книжных строках, а в революционном действии

---

<sup>1</sup> Подробнее об этом в моем разделе книги «Демократия и рынок» (М., 2009).

---

масс.

Эти действия показывают, что первые шаги Советской власти, действительно, были шагами по слову буржуазной машины. Это были (1) смещение временного правительства и роспуск прежних министерств, (2) отказ от парламентаризма (роспуск не имевшего кворума Учредительного собрания), (3) роспуск прежней армии и полиции, (4) издание серии новых указов, менявших основы властно-правовой системы и т.д. Но эти действия не были ни (1) уничтожением демократии (напротив, они привели к передаче власти Советам – форме власти, наиболее близкой к народовластью из практически использованных); ни (2) физической расправой с субъектами прежней власти (министры Временного правительства и вообще все защитники Зимнего дворца, даже Пуришкевич и Краснов, а так же юнкера в Москве были отпущены под честное слово не наносить вреда Советской власти после кратковременного ареста); ни (3) отказом от использования кадров и опыта организации управления хозяйственными и иными процессами (всем профессионалам – и чиновникам, и офицерам, и остальным государственным служащим было предложено перейти на сторону нового государства).

В этой практике были воплощены теоретические положения огромной значимости. Попробую их абстрагировать из многообразного и живого опыта нашей революции.

Во-первых, разрушение буржуазного государства (в том числе и буржуазной демократии) может и должно опираться на новые формы низового народовластия, более широкого и глубокого демократизма, чем прежний, формы, создаваемые массами, снизу. Иными словами, *разрушение старого государства предполагает, что зародыш нового уже возникает, что замена ему уже подготовлена предшествующим развитием социального творчества масс* и, прежде всего, форм их самоорганизации, низовой демократии. Это разрушение не может быть политическим заговором, ведущим к установлению диктатуры верхушки революционеров (о трансформации Советской власти в период Гражданской войны – ниже). Вот почему что смена власти (революция) может стать реальностью только при наличии достаточных условий и предпосылок, при условии постоянной борьбы за усиление форм низовой демократии, расширение институтов гражданского общества. Эта борьба за создание предпосылок для новой демократии возможна и необходима и внутри старой государственной системы, что, кстати, активно подчеркивал Ленин, призывая обязательно использовать для этого все возможные формы.

Во-вторых, *это не уничтожение людей, а разрушение институтов*. Оно не требует применения физического насилия в той мере, в какой защитники старого государства не используют насилия против революционеров.

В-третьих, разрушение старого государства есть разрушение старых институтов подавления, но не деятельности по контролю, регулированию и управлению. Оно

---

предполагает сохранение экономических, социальных, геополитических функций государства и государства как феномена культуры (знаний, опыта, человеческого богатства, связанных с функциями управления) при качественном изменении природы этого государства, содержания этих функций, форм организации государственного управления.

Приведу только один пример – изменение экономических функций государства. Они сохраняются, но их содержание и цели качественно изменяются: на место приоритета охраны прав частной собственности и соблюдения рыночных контрактов с целью поддержания благоприятных условий для накопления капитала приходит сознательный контроль и регулирование экономики в целях обеспечения гармоничного развития членов общества.

Третий важнейший акцент, который делает Ленин в марксистской теории государства: *государство будущего возникающего социализма должно быть отмирающим*. Кстати: старое государство должно быть разрушено еще и потому, что «засыпать» может только новое, другое государство. Только качественно иное, нежели буржуазное, государство может обеспечить собственное засыпание и отмирание. Иными словами, на место государства, которое заботится прежде всего о самосохранении и упрочении должна прийти система институтов, которые «запрограммированы» на самоисчезновение. Самоликвидация есть атрибут «генетического кода» социалистического государства.

Отсюда целый веер следствий принципиальной значимости.

Во-первых, отмирающее государство есть такая система, которая стремится ликвидировать свои функции как собственно государства (аппарата подавления и защиты интересов господствующей социально-экономической силы). Это касается, прежде всего, таких институтов как армия, полиция, секретные службы и т.п.

Этот тезис в настоящее время кажется абсолютной утопией (как впрочем, и во время Ленина). Более того, опыт Гражданской войны и интервенции показал, что единовременный отказ от профессионального репрессивного аппарата невозможен (что, кстати, подтвердило теоретическую истинность критики Марксом и Лениным анархизма), тем более в условиях затухания международных революционных процессов и начала интервенции. Но сохранение и упрочение этого аппарата, переросшего впоследствии в самодостаточную и самодовлеющую силу, обнажает и противоположную угрозу: *не-отмирание репрессивных функций государства ведет к «отмиранию» ростков социализма*.

Отсюда ключевой вопрос современной критики ленинской теории государства: каким может быть ход (темпы, содержание, формы) процесса засыпания репрессивных функций государства в тех странах, которые начнут первые шаги по выращиванию социализма в условиях глобальной гегемонии капитала и ростков новой протоимперии XXI века? Парадоксально, но некоторые ключи к ответу на этот вызов мож-

но найти в практике Ленина и его соратников первых лет Советской власти, в том как они старались строить Красную армию (сочетание профессионализма и милиционной системы), ВЧК и милицию (максимально широкое подключение трудовых коллективов и местного самоуправления к выполнению функций по поддержанию общественного порядка), суды и т.п.

Для новой эпохи этот вызов остается, однако, во многом без ответа. А ответ нужен. Причем не только теоретический, но и практический: без предпосылок и опыта самоорганизации в этой сфере будущие социалистические преобразования повиснут в воздухе и приведут либо к поражению революции, которая не сумеет себя оградить от насилия, либо к ее вырождению.

Во-вторых, *отмиращее государство стремится передавать как можно более широкий круг своих функций органам* (сейчас мы бы добавили – и сетям) *общественного самоуправления* и негосударственным (хотя возможно и профессиональным) органам экономического, социального и т.д. управления, все более ограничивая (вплоть до полной самоликвидации) свою деятельность как особого властного аппарата.

В-третьих, такое государство *организовано как отмиращее*, т.е. построено как система максимально открытая для граждан (как бы сейчас сказали, полностью «прозрачная»), подконтрольная им (жестко повторяемый Лениным акцент на этом, вплоть до «завещания» соединить партийный и рабочий контроль, дав его органам широкие полномочия, хорошо известен), построенная на принципах выборности и сменяемости, и, едва ли не главное, как деятельность профессионалов, получающих среднюю заработную плату рабочего и не имеющих привилегий и льгот.

Последнее я хотел бы вслед за Лениным подчеркнуть особо. Еще в «Государстве и революции», а потом и во всех своих последующих работах Ленин специально подчеркивает: об этом принципе «Парижской коммуны» (и, добавлю, Советского аппарата первых лет) «принято умалчивать, словно о наивности отжившей свое время», а здесь одно из принципиальнейших отличий буржуазного государства от отмиращего социалистического. Сегодня этот принцип то же замалчивают, причем и умеренные социал-демократы, и сталинисты, что не случайно: в отличие от Ленина и его последователей для тех и для других государство видится как не только священная, но и дойная корова.

Кроме того, отмиращее государство, нацеленное на «самоисчезновение», начинает строится на принципах базисной демократии<sup>2</sup>. Последнее означает, в частности,

---

<sup>2</sup> Базисная демократия – это завоевание Парижской коммуны и, особенно, Советов, обобщенное Лениным. Добавлю: не только Советов и не только Лениным. Этот опыт практика трудящихся рождала и рождает постоянно: от Испании 1930-х до Венесуэлы 2000-х.

---

не «производство» голосов, отданных за тех или иных [полу] профессиональных политиков при помощи политических технологий и пиара, а опору на низовые общественные, не-государственные организации и движения, которые и делегируют своих представителей с императивным мандатом (т.е. правом отзыва и замены в любое время) в верховные органы власти регионов и федераций<sup>3</sup>. Эта модель построения отмирающего государства предполагает так же и *отмирание партий как института политической власти*: граждане, выбирая верховные органы власти, голосуют за реально работающие не-государственные, не-политические общественные структуры (производственные, потребительские, экологические, образовательные и т.п. ассоциации), а не специально созданные для отражения социально-экономических интересов определенных социальных структур политические организации – партии. При этом отмирает любая партия – и парламентского, и авангардного типа. Первая, поскольку более нет нужды в партии как профессиональной корпорации, обеспечивающей процедуру участия в выборах (а большинство парламентских партий в настоящее время стали именно такими корпорациями, особым типом капиталистического бизнеса, производящего политическую власть). Вторая, поскольку отмирает необходимость в особом *политическом* союзе тех, кто активнее и самоотверженнее других выполняет основную функцию левой партии в возникающем социалистическом обществе – функцию не вождя, но «акселератора» общественного самоуправления.

Еще раз подчеркну: отмирает – не значит – уничтожается. Такое засыпание и государства, и партий как особых политических институтов возможно лишь по мере отмирания социально-экономических основ политической борьбы – различия базисных интересов основных общественных групп. Последнее же возможно лишь по мере снятия буржуазной системы производственных отношений, прежде всего, частной собственности и социального неравенства (о судьбах рынка при социализме и взгля-

---

<sup>3</sup> Такие органы демократической власти не превращаются в собрание профессиональных политиков, лоббирующих интересы тех или иных капиталов и властных кругов, а опираются на реально действующие массовые организации – сети производственного и территориального самоуправления, образовательные, экологические, молодежные и т.п. движения. Эти низовые структуры контролируют своих делегатов (полностью от этого базиса зависящих, но и полностью на него опирающихся) и согласуют – через противоречия, борьбу – свои интересы, формируют стратегию будущего развития.

Эта модель так и не была реализована ни Лениным, ни после него. Более того, предложенная выше форма (а это лишь один из многих возможных вариантов) – это уже не только Ленин. Это его современное переосмысление. Но определенные ростки такой базисной демократии мы можем найти, в частности, и в том, как возникала система общественного управления в Красной России, в СССР.

---

де Ленина на эту проблему – в следующей части).

Наконец, отмирающее государство – это государство, у которого принципиально *изменяется структура функций и их приоритеты*. Первостепенными становятся функции управления экономическими и социальными процессами, содействия решению проблем развития природы, культуры, здравоохранения, образования и т.п. Собственно же политико-правовые функции государства (защита прав собственности, содержание бюрократического аппарата, армии, полиции и других силовых структур) отходят на задний план и сокращаются<sup>4</sup>.

Так мыслилось Ленину интенсивное (идущее за счет изменения содержания и круга функций государства) и экстенсивное (вследствие все большего выполнения функций государства не-государственными организациями) отмирание государства. И здесь вновь срабатывает та диалектика, которой не видит ни социал-демократический (тем более – либеральный), ни сталинистский оппонент: *движение к социализму предполагает расширение (по сравнению с капитализмом) функций экономического и социального [само] управления, но при этом сужение функций государства*.

В современных условиях – условиях генезиса открытых и общедоступных информационно-коммуникационных систем и сетевых принципов организации – эти черты, конечно же, изменяются. Многие процессы поиска и принятия решений могут приобретать и приобретают формы прямых горизонтальных демократических процессов, вообще не требующих деятельности государства как особого органа власти<sup>5</sup>.

Названные выше принципы построения отмирающего государства, теоретически обобщающие опыт Французской и Русской социалистических революций, являются в

---

<sup>4</sup> Замечу, что это перераспределение функций очень наглядно отражается в структуре государственного бюджета. Доли расходов на экономические и социальные цели и расходов на государство как аппарат насилия и их динамика довольно точно характеризуют меру социальности государства даже при капитализме. Не могу не подчеркнуть в этой связи, что в постсоветской России доля расходов на выполнение функций государства как аппарата насилия намного выше, чем в социально-ориентированных системах.

<sup>5</sup> Сегодня многие из левых теоретиков справедливо отмечают, что новый век – это век ухода от партий как основной формы организации политического процесса. Однако уход от партий может идти и идет в современном мире по преимуществу по пути не снятия, а нарастания политического отчуждения или отчуждения политического процесса от граждан. Партии как объединения граждан на основе общности идеологических, программных установок все больше превращаются, как я уже заметил выше, в бизнес-системы, корпорации особого рода, нацеленные на успех на политическом рынке. Демократия сменяется массовым политическим производством, построенным на основе противоречия между конкуренцией и монополизмом (как и любое производство в условиях позднего капитализма).

---

главном и основном теоретическим наследием Ульянова. Теория Ленина, воплощенная в его делах по формированию и развитию советского государства, кажется иной.

Так встает проблема соотношения теории и «реальной политики»

**Теория политического процесса. Может ли быть «реальная политика» нравственной или еще раз о соотношении целей и средств**

Среди хулителей Ленина ключевым является тезис о его едва ли не врожденной склонности к насилию, аморальности, прагматизму и неразборчивости в средствах.

Среди умеренно-левых критиков Ленина этот же тезис воспроизводится обычно в более мягкой форме: да, реальная политика не всегда делается в белых перчатках, но то, что начали делать Ульянов, Советское правительство, партия большевиков и особенно ВЧК – это уж слишком.

Начну с того, что подавляющее большинство «фактов», приводимых хулителями Ленина в качестве свидетельств его «кровавых преступлений», являются мифами. Мифом является история о «немецком золоте», о Ленине как инициаторе убийства царской семьи и мн.др.<sup>6</sup>

Но при этом не один серьезный исследователь не будет отрицать, что и Советское правительство, и ВЧК, и Красная армия, действительно, были субъектами насилия. И в очень широких масштабах. Более того, ими (особенно на местах) были совершены и многие неоправданные акты насилия. Трагические ошибки и преступления. И Ленин, как глава правительства (но – подчеркну! – не партии: у ВКП(б) «главы» до Сталина вообще не было) несет ответственность за это. Более того, он как теоретик и поистине вдохновитель Октябрьской революции несет ответственность за то, что происходило в стране в результате ее победы.

Предвидел ли Ленин возможность начала гражданской войны в результате социалистической революции? Понимал ли, что гражданская война – это массовое насилие?

Да, предвидел. Да, понимал.

Почему же тогда большевики выдвинули лозунг превращения войны империалистической в войну гражданскую?

Да потому, что, во-первых, это был единственный способ остановить мировую войну, шедшую уже более трех лет и ежегодно уносившую миллионы жизней. И результатом этой войны мог быть только еще более реакционный, чем империализм (в России – военно-феодальный) порядок в мире и у нас на Родине. Эту бойню можно и должно было остановить. И никто, кроме большевиков и их союзников по Октябрь-

---

<sup>6</sup> Эти мифологемы убедительно, на основе обобщения большого фактического материала подвергнуты критиками многими серьезными историками, в частности, профессором В.Т. Логиновым – на мой взгляд, крупнейшим специалистом по истории жизни и деятельности Ленина в СССР-России.

скому вооруженному восстанию не выступал в России за прекращение этой мировой бойни. *Лозунг умеренно-демократичных кадетов, меньшевиков и т.п.* (т.е. тех, на кого молятся сегодняшние центристы и представители левого центра) *«Война до победного конца!»* был призывом к массовому насилию и убийству миллионов плюс откровенным обманом и авантюрой, ибо никакой победы России во главе с Временным правительством в этой войне быть не могло.

Во-вторых, это был единственный способ остановить сползание страны к военной диктатуре. Даже в тихой и демократичной Финляндии, получившей независимость в соответствии с теорией и практикой национальной политики, неслучайно получившей имя «ленинской» (право наций на самоопределение вплоть до образования самостоятельно государства) выбравшее буржуазно-демократическую модель развития государство расстреляло и репрессировало левую оппозицию, убив и сгноив в тюрьмах за первые месяцы «реформ» десятки граждан этой маленькой страны. Подчеркну: указание на факт кровавых расправ с оппозицией, сопоставимых по масштабу со сталинскими, со стороны кажущихся ныне «белыми и пушистыми» центристских политиков, считающих себя «демократами», принципиально важно, ибо оно позволяет показать, какой была «реальная политика» практически всех политических сил в этот период.

В-третьих, Ленин и его сторонники осенью 1917 года видели, что победа в революции может быть достигнута быстро и малой кровью, ибо абсолютное большинство «людей с ружьем» хотело земли и мира. И собственно так все и произошло: в течение месяца с небольшим Советы взяли в свои руки власть в большей части Российских регионов при очень слабом сопротивлении органов временного правительства. Ожидали ли Ленин и его товарищи, что ответом на это будет вооруженное выступление против Советов со стороны практически всех оппозиционных сил – от монархистов до эсеров, подкрепленное агрессией против суверенного государства со стороны всех империалистических государств (и Германии, и ее врагов), причем выступление априори кровавое и на массовые репрессии ориентированное?

Я могу предположить, что нет. Это может показаться странным, но большевики и Ленин в особенности всякий раз не ожидали, что теоретически формулируемая ими закономерность – нацеленность основных политических сил империалистических стран на прямое насилие и реакционные методы политических действий – будет проявлять себя на практике столь откровенно, цинично и brutally. Ленин был буквально сражен тем, что социал-демократы поддерживали свои правительства в их политике войны в августе 1914. Сражен, хотя перед этим не раз писал о соглашательстве Бернштейна и Ко, о том, что по всем принципиальным вопросам они идут на поводу у политических сил, выражающих интересы капитала. Он все же не ожидал предательства. Я думаю так же не ожидали предательства и он, и его товарищи, когда в ноябре 1917-го отпускали будущих вождей белого террора под честное сло-

во офицера.

Эта, как ни странно это прозвучит, наивная надежда на то, что господствующие классы и буржуазные государства не начнут террор против Советов и граждан своей страны, действительно, было ошибкой.

Но курс на вооруженное восстание и взятие власти в ноябре 1917 года ошибкой не был.

История не терпит сослагательного наклонения, но она требует анализа.

По мнению одних этот анализ показывает, что Ленин и большевики увели нашу страну в тупик. По нашему мнению он показывает, что решить задачи хотя бы последовательной буржуазной модернизации при широкомасштабной социализации всех сфер общественной жизни (причем не только в России, но и во всем мире), дать толчок антиимпериалистической борьбе, приведшей к краху поддерживавшейся в начале прошлого века даже социал-демократами политике колониального господства, обеспечить приоритетное развитие в нашей стране и ее союзниках нового типа образования и т.п. – решить эти задачи никто, кроме большевиков в России 1917 года не мог.

По мнению одних, он говорит, что это именно большевики ввергли Россию в кровавую баню гражданской войны. По нашему мнению именно большевики и Ленин как пожалуй ведущий теоретик и практик большевизма остановили Первую мировую войну и предотвратили восстановление военно-феодальной диктатуры в России.

Это спор долг и доказательство нашей правоты требует систематической историко-фактологической работы, сравнительного социо-исторического анализа и т.п. Частично эта работа уже проделана и продолжает выполняться нашими товарищами, о ряде из мифов о Ленине и СССР написали в своей книге мой друг и я<sup>7</sup>.

Задача этого текста и, в частности, данного его раздела иная – анализ того, как Ульянов-теоретик анализировал и трактовал политический процесс.

И здесь у В.И.Ульянова есть немало очень важных разработок, мимо которых нам никак нельзя пройти которые чрезвычайно актуальны именно сейчас, требуют критического наследования.

**Первый** важный блок разработок Ленина в области теории политического процесса. Для него, как и для Маркса (и даже его предшественников) политика была не игрой конкурирующих элит или, как бы сейчас сказали, политическим рынком. *Политика была для Ленина процессом борьбы социально-экономических и политико-идеологических субъектов за реализацию своих стратегических интересов*, Не просто борьбой за власть. И не только политической формой классовой борьбы, хотя значимость последней Ленин подчеркивает неустанно.

Для Ленина политика есть сложная система общественных отношений, в которой

---

<sup>7</sup> См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. 10 мифов о СССР. М., 2010.

(1) представлены разные субъекты, которые (2) в разной степени организованны и (3) в разной мере осознают свои действия и интересы. Отсюда, в частности, постановка и решение Лениным проблем соотношения классов, их экономических организаций (в частности, профсоюзов) и партий, стихийного и сознательно организованного движения, «хвостизма» и авангарда и мн.др.

Эти отношения пронизаны сложной системой (4) противоречий и (5) иных взаимодействий, несводимых к противостоянию двух классов, хотя в конечном итоге (по Ленину) и обусловленных им. Отсюда разработка Лениным вопросов сложной системы классовых противостояний и союзов в разных социально-экономических и политических условиях (реакции, буржуазно-демократической революции, выборов, социалистической революции и т.д.).

Эти взаимодействия могут иметь (6) различные формы, в том числе, маскирующие, извращающие их собственное содержание и (7) существенно варьируют в зависимости от временного и пространственного горизонта. Отсюда ленинские разработки по проблемам форм организации политической борьбы: от теории партии нового типа до вопросов организации вооруженного восстания), проблемам соотношения стратегии и тактики и др. И одна из наиболее тонких и красивых политических разработок Ленина – *теоретическое и практическое решение проблемы выбора уникального перекрестия определенной точки социального времени («вчера было рано, завтра будет поздно») и определенного социального пространства (теория «слабого звена»), в котором можно и должно («промедление смерти подобно») переходить к максимально решительным политическим действиям* (разработка проблемы вооруженного восстания, но не только: и в радикальные политические решения периода Гражданской войны, и переход к нэпу и мн.др.).

Политика, далее, это сфера борьбы этих субъектов, причем борьбы, использующей политико-идеологические средства (от выборов и пропаганды до вооруженного восстания), но (8) не сводимой к реализации политических целей. Отсюда, в частности, важнейший вывод Ленина: *борьба за власть есть не цель, но средство реализации стратегических социальных задач*, а они, как это было сформулировано еще в 1903 году в программе РСДРП, состоят в создании общества, подчиненного задачам обеспечения не только благосостояния, но и свободного всестороннего развития личности каждого.

Наконец, *политика для Ленина это (9) особая – отчужденная, превратная – форма социального творчества*. Как социальное творчество она есть дело масс и именно они и есть, что постоянно подчеркивает и Ульянов-теоретик, и Ленин-практик, главные субъекты политического процесса. Как превратная, отчужденная форма (этих понятий у Ленина, конечно же нет, но смысл, которые имеют эти понятия – есть) политика должна иметь особые организационные формы и становится непосредственным предметом деятельности особых субъектов – партий, государств и т.п.

---

В этом превращении социального творчества масс в деятельность особых институтов и скрыта *превратность* и *отчужденность* такой формы как политика. Как и всякая превратная форма она создает видимость иного содержания – в данном случае, видимость того, что ею должны заниматься лишь специально созданные институты и особые индивиды (политики-профессионалы). В период спокойного течения социального времени эта видимость едва ли не полностью камуфлирует содержание, массы отчуждаются от политической борьбы, от политических решений, становятся объектами манипулирования или прямого авторитарного подавления. В периоды социальных трансформаций, радикальных реформ и революций «вдруг» выясняется, что политика – дело каждого, что прозревают даже поэты<sup>8</sup>.

Эту диалектику политики как социального творчества и его превратной формы прекрасно видел Ленин, показывая почему в одни периоды (например, царской диктатуры начала XX века, накануне Первой русской революции) главным субъектом борьбы за социальное освобождения должна была быть четкая организация революционеров, а в другие (прежде всего – революций) – непосредственное творчество трудящихся, создававших Советы и органы рабочего контроля снизу часто без всякого участия партии.

Итак, в работах Ленина, взятых в их совокупности, прорисовывается наиболее полная для начала XX века теория политического процесса (и прежде всего – революции) во всех его ипостасях (выше я выделил лишь некоторые из множества разработок Ленина в области теории политического процесса).

**Второй** блок разработок – проблема соотношения т.н. «реальной политики» и тех идеалов, ради которых она осуществляется. И это не просто проблема соотношения целей и средств. Вопрос глубже и сложнее. Это вопрос о том, *может ли реальный, практически реализуемый политический курс*, реальные политические решения в реальной обстановке революций, войн, разрухи или ускоренной модернизации, могут ли они *строиться исходя из критериев Истины, Добра и Красоты?*

Выдвижение этих критериев применительно к политике выглядит либо кощунством, либо глупостью. Применительно к тому, что делал Ленин, принимавший решения, от которых зависела самая жизнь тысяч, а иной раз и миллионов людей, такая постановка вопроса кажется бессмысленной вдвойне. Более того, новый век с его тотальной постмодернистской деструкцией всех и всяческих «больших нарративов» эти критерии, как кажется, отменил вообще.

И тем не менее я настаиваю на их применимости. И применимости именно к политике Ленина и большевиков.

---

<sup>8</sup> Характерна в этом отношении книга одного из виднейших советских поэтов (Е. Евтушенко), написанная в годы горбачевских радикальных реформ. Она так и называлась «Политика – дело каждого».

---

Попробую показать правомерность этого едва ли не эпатажного тезиса.

*Истина.* Применение этого критерия к политическим действиям означает утверждение возможности научно, теоретически обоснованной стратегии и тактики. Применительно к ленинским политическим действиям это кажется и правомерным и бесмысленным.

Правомерным, ибо едва ли не все его *стратегические* политические решения строились на базе определенных теоретических разработок (другое дело, что эта теория в неимоверно ускоренном социальном времени революций и войн иногда воплощалась сразу же в практику, не пройдя стадии собственно научного воплощения в диссертацию, книгу или хотя бы доклад). Это касается стратегии создания «Искры» и «партии нового типа», стратегии социал-демократов и в буржуазной революции (ведущая роль пролетариата, курс на перерастание ее в социалистическую), возврата к ключевым идеям «Очередных задач Советской власти» после окончания Гражданской войны и перехода к нэпу, стремления воплотить разработанные еще в «Государстве и революции» положения о важности низового контроля и партмаксимума и мн.др.

Бессмысленным, так как в ряде случаев политический курс, тактика, предлагаемая Лениным менялись с удивительной быстротой и кажущейся непоследовательностью, обусловленностью не стратегией, а лишь прагматикой, конъюнктурой политической борьбы.

Этот момент, пожалуй, наиболее интересен, ибо он наименее понят у Ленина. Как я уже заметил в первой части текста, Ленина в данном случае либо обвиняют в прагматизме и цинизме, либо возводят в культ, объявляя безусловно правильным и стратегически выверенным любое его решение, на том только основании, что его принял Ленин. На самом деле все намного сложнее и тоньше. Если исходить из того, что верен тезис автора о роли «прогрессоров» (в частности, большевиков) как силы, стремящейся познать закономерности «красной нити истории» и сознательно действующей на основе этого познания с целью «спрямления» ее зигзагов, то многочисленные неожиданные повороты в *тактике* большевиков становятся не только объяснимыми и понятными, но и теоретически неслучайными.

В самом деле, периоды войн и, особенно, революций, других социальных трансформаций, - это периоды, когда историческое время «выходит из своих берегов», а социальное пространство полно разломами и грандиозными сдвигами.

Время трансформаций течет нелинейно и неравномерно. Оно то устремляется с огромной скоростью вперед и общество за дни или недели претерпевает грандиозные общественные изменения, на которые раньше потребовались бы десятилетия: рождаются новые формы государственного устройства и новые формы хозяйствования, новые люди по-новому организуют армию и культуру... То – в условиях реверсивного хода истории социальное время поворачивает вспять и в XX (а то и в XXI)

---

---

веке рождаются институты и социальные формы феодализма и рабства...

Социальное пространство меняет свои очертания столь же радикально и противоречиво. Пространство революции в России 1917-18 годов пульсировало, расширяясь и сужаясь, разбиваясь на мозаичные кусочки и спаиваясь в анклавы, исчезая и возрождаясь. Не менее противоречиво пульсировало пространство капиталистических отношений, то исчезающих в пучине разрухи и голода, то рождаясь вновь в ранее невиданном виде (нэп).

*В этих условиях реализация научно обоснованной стратегии должна осуществляться исключительно при помощи постоянно меняющейся тактики.*

И вот здесь появляется вторая ипостась названных выше великих критериев прогрессивности политики – *критерий Красоты*. Ибо политика как особый, имеющий по неволе отчужденные формы, вид социального творчества есть и искусство. И именно критерий красоты – столь же эфемерный для профессионала-исполнителя, сколь и реально-значимый для художественно видящего мир и действующего творца – оказывается практически значимым критерием выбора тактических решений. В этих искрометных решениях, долженствующих моментально («промедление смерти подобно!», «завтра будет поздно!») и абсолютно точно (цена ошибки – тысячи, десятки тысяч жизней) реагировать на неожиданные «выверты» бурно текущего социального времени и «дыблящегося» социального пространства, присущее великому политику [художественное] чувство целого, гармонии (адекватности решения сплетению противоречий целого в его нерасчлененности – политической ситуации), т.е. красоты, является главной путеводной нитью.

С теоретической точки зрения эти положения выглядят nonsensom, но, повторю, социальное творчество – это единство науки и искусства и политика в данном случае не исключение. Этим *искусством тактики* в полной мере владел Ленин-политик. А его необходимость показал Ульянов-теоретик.

Вот почему, суммируя, я не могу не сказать, быть может эмоционально, но продуманно: Ленин был блестящим, гениальным дирижером великолепного политического оркестра, дирижером, который очень точно видел партитуру и контрапункты истории. И только этот оркестр именно с этим дирижером мог едва ли не единственно сделать реальной музыку революций и реформ в моей стране (и не только), ведя за собой хор массовой борьбы, а иногда, когда этот хор сам был созвучен музыке истории, лишь аккомпанируя ему.

И последнее и самое сложное: о *Добре* как критерии политических действий. Нравственный критерий кажется неприменимым к реальной политике, но я с этим не соглашусь. Не потому, что «слеза ребенка» перевешивает любые рациональные соображения политиков. Но потому, что политик должен соотносить свои действия именно со слезами детей. Только не на уровне абстрактно-безответственных лозунгов рафинированной интеллигенции, а в практической деятельности. А здесь

справедливо заботящаяся в книгах о слезе ребенка интеллигенция сплошь и рядом в своей практической жизнедеятельности эти слезы с успехом приумножала или уж во всяком случае, не сокращала (вдумайтесь, уважаемый читатель, сколько слез скольких бездомных детей в нищей России XIX века вынудил *реально* пролить Федор Достоевский, не использовавший для спасения этих крошек многие тысячи рублей, спущенных им в игорных домах...<sup>9</sup>).

Так как же по уши погруженная в грязь реальной жизни политика может сообразовывать себя с высшими критериями Добра? Ответ на этот вопрос предполагает как минимум снятие господствующей ныне постмодернистской деструкции этого «нарратива». Как максимум – определения того, что есть «добро» и что есть мораль.

Сии вопросы человечество задает себе не одно тысячелетие. Более того, вопрос о добре, о нравственности в контексте ленинской реальной политики является принципиально сложным. Однако имеющим теоретические основания для успешного решения. Это решение предполагает проникновение в то, что раньше называли «лабораторией ленинской мысли», т.е. хотя бы пунктирное рассмотрение контекста ленинских тезисов о морали и нравственности.

На мой взгляд, размышляя о теории и практике Ленина, будет вполне уместно воспользоваться марксистской методологией поиска определений этого понятия. И тогда «добро» станет «всего лишь» нравственным измерением процесса снятия отчуждения. Последнее понятие в марксизме (и не только) является вполне рабочим и далее мы можем им смело оперировать<sup>10</sup>. Соответственно, понятие «добро» приобретает при таком подходе не теологическое, а онтологическое объяснение и соотносится скорее с категорией «гуманизм». Отсюда поиск реальной *меры* добра и зла, акцент не на вне-практическом и вне-социальном абсолюте идеалистического (или прямо религиозного толка), а на *процессе* гуманизации как процессуирующем отношении-деятельности, в котором разворачивается снятие отчуждения, разрешается противоречие названных выше нравственных измерений отчуждения и разотчуждения<sup>11</sup>. Так встает вопрос о мере, содержании, субъектах гуманизма как практической деятельности, т.е. *конкретного гуманизма - гуманизма реальных социальных субъектов, действующих в реальных исторических обстоятельствах*.

Эта теоретическая постановка вопроса позволяет нам обратиться и к категории

---

<sup>9</sup> Я прекрасно понимаю, какое озлобление эта фраза вызовет у рафинированных интеллектуалов, чьи теоретические рассуждения о морали столь часто заканчиваются там, где начинается практическая угроза их кошельку. Впрочем, тезис о необходимости единства слова и дела для настоящего интеллектуала столь же старомоден, сколь и императив добра...

<sup>10</sup> См. работы А. Шаффа, И. Мессароша, Б. Олмана и др. по проблемам отчуждения.

<sup>11</sup> Термин введен в работах Л. Булавка.

*«общечеловеческие ценности»* В самом деле, если посмотреть на то содержание, которое скрыто за этим понятием по мнению крупнейших гуманистов современности, а не на то, что под этим словосочетанием подразумевают практические проповедники «гуманизма крылатых ракет», то окажется, что в *теоретических* работах Д. Лукача, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма и т.п. высшим критерием нравственности и универсальной человеческой ценностью является свободное развитие человека как родового существа, т.е. то самое свободное всестороннее развитие личности (идеал, родившийся еще во времена Ренессанса и Просвещения), о котором В.И. Ульянов прямо заявил *теоретически* еще в 1903 году в связи с разработкой программы партии и что он так же теоретически (о практике – ниже) потом постоянно подтверждал. И это неслучайно: для выросших на европейском гуманизме исследователей *снятие отчуждения и социальное освобождение человека есть высший и универсальный критерий нравственности*.

Но ведь, *по мнению Ленина, и буржуазно-демократическая, и социалистическая революции направлены на решение именно этой великой задачи!* Так что же такого аморального вы видите в *теоретической* установки соизмерения поступков с интересами революции?

А теперь о практике. Оппоненты Ленина, конечно же, сразу возражат: в теории у вас все хорошо, но вот на практике революция – это...

Прежде чем разбираться с тем, что несет революция на практике, давайте посмотрим на то, что из себя представляет не в философских трактатах «политически-нейтральных интеллектуалов» содержащаяся, а *реальная мораль буржуазного общества*

Приведенное выше и широко известное выдвижение Лениным интересов *революции* в качестве нравственного критерия любых действий видится буржуазному обывателю и его интеллектуальному собрату кощунством. И их можно понять: для них революция – это не просто кровь. Это прежде всего нарушение всех тех заповедей, на которых строится господствующее вот уже не одно столетие представление о морали в христианском мире и, главное, практическая мораль буржуазного общества.

Поясню: я нарочито ухожу из сферы философии морали в сферу реально действующих в буржуазном обществе нравственных норм, ибо, напомним, мы в данном случае размышляем о нравственности реальной политики Ленина, а не о его философских конструктах.

Начнем с того, что с точки зрения обывателя революция безнравственна, ибо она есть *нелегитимное* насилие. И потому оно безнравственно. Ибо безнравственным с точки зрения «практической морали» является не насилие вообще, а насилие, государством и правом не освященное, тогда как насилие легитимное, т.е. освященное действующим государством и правом, «нравственно». Так, убийство миллионов рос-

сийским, германским, французским, английским и т.п. государствами в Первой мировой войне было делом сугубо «нравственным»: обе воюющие стороны, уничтожая своих единоверцев (а так же идеологических и т.п. единомышленников), действовали в строгом соответствии с моральными заповедями капиталистического мира.

Революция, далее, «безнравственна», ибо она есть *снятие священного права частной собственности*. Когда вы, объявляя локаут или не выплачивая зарплату, лишаете рабочих возможности заработать кусок хлеба, когда вы разоряете конкурента и он пускает себе полю в лоб, а его семья идет по миру, вы всякий раз поступаете «нравственно», ибо не нарушаете права частной собственности. Когда же революционные рабочие вводят народный контроль на предприятиях, хозяева которых занимаются саботажем, они поступают «безнравственно», ибо нарушают священное право частной собственности.

Революция «безнравственна» еще и потому, что предполагает отмирание государства, а еще института семьи, основанного на все той же частной собственности. Когда вы совокупляетесь с нелюбимым человеком и производите на свет нелюбимых детей с целью поддержания бизнеса, вы поступаете «нравственно», когда вы любите друга, не задумываясь о брачном контракте, вы – «безнравственны»...

Сказанное выше – не утрировка. Это реальная, *действующая* мораль реального буржуазного общества.

Что же есть реальная мораль революции?

Она полна противоречий, кажущихся порой едва ли не невозможной алогичностью мыслей и действий. Взять хотя бы такой вопрос как смертная казнь. Большевики (и Ленин в том числе) были и оставались сторонниками отмены смертной казни. Придя к власти, они тут же выступили за ее отмену, но очень скоро узаконили... расстрел на месте в экстремальных случаях. Простейшее объяснение, сразу приходящее на ум: большевики двуличны, они обещают одно, а делают прямо противоположное. В теории позиционируют себя как гуманисты, на практике – как проводники террора.

Это объяснение *выглядит* очевидным, но на самом деле является абсолютно неверным. Видимость извращает сущность.

Позволю себе отступление, помогающее, на мой взгляд, раскрыть суть этой диалектики чудовищно противоречивого революционного процесса, кажущейся всего лишь софистическим оправданием преступлений.

Представим себе, что перед вами факт: один человек убил несколько десятков других людей. Этот человек сделал добро или зло? Его поступок был нравственен или аморален?

Если это маньяк, убивающий детей – чудовищное зло. А если этот человек уничтожил несколько десятков эсэсовских карателей, прикрывая отход заключенных, бежавших из фашистского концлагеря? В этом случае, это, несомненно, добро.

---

А убийство десятков тысяч людей Бендерой и его сторонниками на территории Украины, Польши, России, Белоруссии и т.п. во время Второй мировой войны, это добро или зло? По этому вопросу в Украине есть две прямо противоположных позиции, причем защитниками этих антагонистически-враждебных взглядов с обеих сторон выступают лидеры и идеологи вполне цивилизованных, выступающих за вхождение в западную цивилизацию, про-буржуазных и демократических партий этой страны.

Примеры – не решение проблемы. Они лишь некоторый толчок к поиску такого решения.

Предварительное замечание. Эти примеры могут вызвать реакцию потсмодернистского толка: Добро и Зло – устаревшие «нарративы». Их поиск неактуален.

Это «решение», как уже было сказано выше, мы оставляем за рамками нашего анализа (ибо наши оппоненты в случае с Лениным его однозначно отвергают, считая его теорию и действия Злом) и делаем первый шаг на пути поиска ответа. Можно предположить, что ответ зависит от конкретного анализа конкретной ситуации: кто, кого, за что и при каких обстоятельствах убил. Здесь, однако, возникает угроза конкретно-исторического релятивизма, создающего новый соблазн уйти от проблемы критериев.

Для того, чтобы ответить на вопрос, что же является критерием добра и зла (а точнее – *гуманизма или антигуманизма*) применительно к конкретным историческим действиям конкретных исторических субъектов, особенно - актам насилия, надо сделать второй шаг в поиске ответа на поставленный выше вопрос.

Обратимся вновь к ленинской идее революции как нравственной меры насилия. Принципиальный ответ Ленина я бы сформулировал так: *мы считаем допустимым только то минимально необходимое насилие, которое (1) противостоит насилию, увеличивающему меру отчуждения, и/или (2) предотвращает его будущий рост.* Таков принципиальный ответ о допустимой в революции мере насилия. И это не вопрос не только о «количестве» *насилия* (масштабах и характере жертв), но и о его «качестве» (социально-политическом содержании насилия: против кого и чего и ради кого и чего оно было направлено) и, следовательно, *векторе* (содействие прогрессу или регрессу).

Этот ответ, конечно же, порождает массу новых вопросов.

Одни из них (а что такое прогресс? И кто дал вам право судить о том, что есть прогресс и регресс?) мы опять же оставим в стороне. Если судить о прогрессе и его мере нельзя, то не осуждайте Ленина и политику большевиков за их не-прогрессивность. Если же вы их осуждаете за не-гуманность, то мы напомним: марксизм вслед за Ренессансом (в том числе, арабским, а не только западным) и Просвещением именно гуманизм, прогресс Человека как родового существа считает высшим критерием прогресса.

---

От других отмахнуться нельзя. Один из наиболее принципиальных: а допустимо ли вообще применение насилия для борьбы с насилием?

Прежде чем мы начнем искать ответ, позволю себе оговорку: и выше, и ниже речь всякий раз идет о насилии против людей. Разрушение институтов и христианство, и гандизм и т.п. считали не только возможным, но и необходимым. *Для марксистов вообще и для Ленина в частности революция была актом разрушения институтов* - экономических (частной собственности и капитала), социальных (классовое деление<sup>12</sup>), политических (буржуазное государство) и т.п. – *но уничтожения не людей*. О желательности мирного пути революции все последовательные марксисты и Ленин в том числе говорили постоянно. Более того, практика ряда попыток начала движения по социалистическому пути в относительно благоприятных условиях говорит о том, что приход к власти левых сил парламентским путем и начало социалистических преобразований без применения методов насилия возможны. Но при успехе этих первых шагов социализма почти всегда сталкиваются с нелегитимным и предельно жестоким применением насилия (вплоть до государственных переворотов и введения фашистской диктатуры) со стороны правых сил. Наиболее яркий пример этого – победа президента Альенде в Чили в 1971 году и последовавший за этим фашистский переворот Пиночета, уничтожившего и сгноившего в концлагерях многие десятки (если не сотни) тысяч лучших граждан этой маленькой страны.

А теперь вернемся к поставленному выше вопросу: *допустимо ли вообще применение силами добра насилия* против людей, а не только институтов, *пусть даже и для борьбы с насилием?* Должно ли добро иметь кулаки?

Раннее христианство и ряд других религиозных доктрин, философия и практика движения, связанного с именем Ганди, говорят однозначно: нет. Нет, ибо по их мнению всякий драконоборец, использовавший меч, чтобы отсечь голову дракону, тут же сам превратится в хвостатое и рогатое чудовище, изрыгающее огонь. Или, переводя

---

<sup>12</sup> Кстати, подчеркну: и Маркс, и Ленин, говоря об уничтожении классов, всегда имели в виду уничтожение и класса наемных рабочих. Уничтожить класс – значит дать людям, его составляющим, возможность освободиться от оков классового деления: работнику стать субъектом свободного труда, а не экономического принуждения, предпринимателю – творцом, управляющим экономическими процессами ради развития человеческих качеств, а не рабом погони за прибылью и т.п. И только в сталинской версии этот лозунг превратился в свою противоположность. На место снятия классов пришло уничтожение их представителей, породившее едва ли не более глубокие антагонизмы и превратившее не только буржуазию, но и наемных работников частью в рабов ГУЛАГов, частью – в полукрепостных (и одновременно – вот трагизм этой диалектики!) в субъектов социального творчества, созидательного энтузиазма и обладателей мало для каких стран характерных социальных гарантий и возможностей развития.

---

эти образы на несколько более строгий язык: любое насилие не гасит, но умножает отчуждение. Пример Ленина, с точки зрения авторов таких концепций, доказывает их правоту: Ленин породил Сталина, и их насилие превысило все допустимые границы, увеличило, но не уменьшило зло, царящее в мире.

Ответ Ленина и большевиков сложен.

Подчеркну: это неправда, что для Ленина характерна однозначная апология насилия как главного и чуть ли не единственного средства решения политических проблем. И он, и его последователи (а не предатели, извращавшие начатое большевиками и уничтожавшие самую «ленинскую гвардию») считали насилие исключительным шагом, т.е. таким, когда никакие другие средства остановить огонь насилия - войны (Мировой и Гражданской) или надвигающийся террор и массовый голод (как это было осенью 1917), или террор уже начавшийся (1918) не дают результата, а бездействие ведет к эскалации насилия, причем нацеленного на регресс. Отсюда принципиальный ответ: *насилие против людей недопустимо за исключением тех случаев, когда его не-применение оборачивается несоизмеримо большим насилием, злом.*

Позволю себе параллель: насилие как средство борьбы с насилием подобно направленному взрыву как средству борьбы с пожаром. Любой, кто боролся с огнем, знает: до тех пор, пока огонь можно тушить другими средствами, к взрывам лучше не прибегать, ибо это палка о двух концах: сделаешь его умело и вовремя – погасишь пожар, ошибешься в расчете, выборе времени, места, меры воздействия (величины заряда) и подбором исполнителей – породишь еще большие разрушения. И все же настоящий пожарный в крайнем случае берет на себя ответственность и идет на риск.

Так и в революции: если в стране мера отчуждения превышает допустимые даже для старого общества пределы, а правящие силы не способны решить при их содействии (или бездействии) порожденные проблемы (если в твоём доме «пожар»), то субъект социального творчества, имеющий научно-обоснованную стратегию («расчет взрыва»), умеющий точно выбрать необходимый момент социального времени и локус социального пространства («время и место взрыва»), определить меру минимально необходимого насилия («объем заряда») и обеспечить включение в борьбу организованного и социально-активного массового субъекта (профессиональной и самоотверженной «пожарной команды») может и должен с точки зрения Ленина идти на революционное насилие, если другие методы борьбы с пожаром реакции невозможны<sup>13</sup>. Он берет на себя *ответственность* за действие, которое по его расчету приведет к прогрессу, но может вызвать и эскалацию отчуждения.

---

<sup>13</sup> Сказанное, как, наверное, уже заметил читатель, есть ни что иное, как перефразировка ленинской теории революционной ситуации.

---

Вот почему *ответственная политика* по Ленину есть политика, у которой (1) есть четко выраженный социальный субъект (а не просто группа «элитных» игроков на политическом рынке), который (2) способен взять на себя ответственность за принимаемые решения и (3) готовый на практике отвечать за эти решения, реализуя их в *реальном политическом процессе*. Причем отвечать не только жизнью (как отвечали и ответили все большевики) но и своим именем творца – теоретика и практика, судьбами всего того культурного (марксизм) и исторического (опыт долгих десятилетий борьбы тысяч и миллионов за социальное освобождение) наследия, от имени которого ты эту политику проводишь в жизнь.

Ленин, в отличие от большинства нынешних левых интеллектуалов, был *таким* реальным политиком. Он отвечал и отвечает за свершенное.

Еще один вопрос, точнее, проблема проблем практики большевизма ленинского периода: *была или нет перейдена в период революции и Гражданской войны та мера допустимого насилия, за гранью которой насилие ради противодействия другому насилию и предотвращения последнего, ради прогресса и гуманизма превращается в свою противоположность?*

Ответ на этот вопрос, пожалуй, наиболее труден, ибо история его еще не дала.

Девяносто, шестьдесят, даже еще тридцать лет назад для подавляющего большинства моих соотечественников и коммунистов он был очевиден: нет, не перейдена. Жертвы были чудовищны, но не напрасны. Пятнадцать-двадцать лет назад почти столь же очевидным казался прямо противоположный ответ. Сегодня баланс начинает вновь изменяться в пользу Ленина. Я уверен, что в будущем эта тенденция будет нелинейно, но неустанно сохраняться.

Однако уверенность автора – не аргумент в теоретическом и политическом споре.

Если же смотреть на существо проблемы, то ответ должен быть гораздо более сложным, но от этого не менее четким.

Во-первых, во многих конкретных исторических случаях во многих точках социального пространства эта мера, конечно же, была перейдена. История знает немало примеров неоправданного насилия со стороны красных и трагических ошибок самого Ленина. Но так же она знает и немало примеров, когда эта мера была недостаточной и будущие субъекта белого террора освобождались под честное слово, а решение о заключении действительно ужасного, принесшего огромное горе народам нашей страны мира с Германией неоправданно затягивалось.

Во-вторых, история показала, что продолжением ленинской политики стал сталинизм и уж он-то эту меру перешел безусловно. Ответствен ли Ленин и его сподвижники (в том числе, уничтоженные Сталиным) за эти последующие преступления – вопрос важнейший и я на него уже отвечал: нет. Нет, ибо была возможна и другая траектория генезиса нового общества в нашей стране, а ленинская теория и полити-

---

---

ка предполагала принципиально иную, нежели сталинская, стратегию.

Но при этом, в-третьих, в результате реализации теории и стратегии, разработанных и претворенных в жизнь Лениным и его соратниками, общий баланс социального освобождения и отчуждения, прогресса и регресса в мире изменился в лучшую сторону. Эти изменения были не линейны, мучительны, противоречивы. Их можно было (если глядеть в прошлое из настоящего) достигать меньшей ценой и не совершая стольких ошибок и преступлений. Но они были и они позитивны. Без Ленина, Октябрьской революции, большевиков наш мир был бы хуже. В общем и целом он шел бы по траектории, на которую вступил, развязав Первую мировую войну и проводя политику колониализма и реакции. И без Октября и Ленина это «цивилизованное» насилие обернулось бы огромными жертвами не только империалистической, из столкновения империй вырастающей, реакции, но и чудовищно реакционных форм сопротивления ей, которые бы породили предательство и, в конечном итоге наследующего его, поражение социал-демократии. Мир вряд ли узнал бы формы «социального рыночного хозяйства», «народного капитализма», сильного гражданского общества, освобождения от колониализма и мн.др. если бы не наши победы и не наши жертвы. Более того, поражение социал-демократии в условиях объективно необходимой социализации производства и общественно-политической жизни, помноженное на обострение социальных противоречий – это прямая дорога к фашизму, остановить которой было бы некому...